

Мнимые и действительные риски для социолога при проведении исследования

Автор: А. Н. ОЛЕЙНИК

Профессию социолога обычно не принято относить к числу опасных. Например, если судить по числу инцидентов со смертельным исходом на рабочем месте (в расчете на 100 тыс. работников), в 2004 г. самыми опасными в США были профессии авиапилотов и рабочих на лесозаготовках (коэффициент смертности 92,4), рыбаков (86,4), металлургов, занятых в "горячем цехе" (47), мусоросборщиков (43,2), фермеров и ранчеров (37,5), кровельщиков (34,9), электриков (30), водителей большегрузных автомобилей (27,6) и таксистов (24,2) [Christie, 2005]. Сходная статистика для России менее доступна, но можно предположить, что и здесь "погибших при исполнении служебных обязанностей" социологов не так много. Тем не менее задачей этого краткого эссе будет показать, что социологи в действительности сталкиваются с существенными рисками при осуществлении своей профессиональной деятельности, причем величина этих рисков зависит в меньшей степени от предмета исследования или применяемого метода, чем от того, насколько результаты исследования ставят под сомнение сложившееся - как в науке, так и в обществе в целом - *status quo*.

Сам по себе объект социологического исследования, даже если речь идет о тюрьме, организованной преступности или терроризме, редко становится источником серьезной опасности для ученого. Например, известно, что относительное число зарегистрированных правонарушений в российской тюрьме (в расчете на одну тысячу человек) в середине 1990-х гг. было практически на порядок ниже, чем в обществе в целом: 3,67 против 29,92 [Oleinik, 2003, p. 86]. Поэтому даже личное присутствие исследователя в тюремной среде не обязательно влечет за собой увеличение вероятности стать жертвой насилия (с чисто статистической точки зрения риск подвергнуться нападению выше как раз вне тюремных стен). Более того, при изучении "опасного" объекта "на расстоянии" исследователь и вовсе способен свести риск к минимуму. Сбор данных с помощью "посредни-

Данная статья была написана по инициативе И. Задорина - руководителя исследовательской группы ЦИРКОН (Москва) и в результате интенсивных обменов мнениями с В. Гольбертом - руководителем центра по изучению девиантологии Социологического института РАН (Санкт-Петербург), за что я выражаю им глубокую признательность.

О л е й н и к Антон Николаевич - доктор социологии, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики РАН и Associate Professor Мемориального университета Ньюфаундленда (Канада).

ков" - нанятых интервьюеров, ассистентов, лиц, играющих роль "культурных брокеров", - существенно облегчает задачу изучения даже самых жестоких вооруженных конфликтов, таких, например, как война в Чечне (см., в частности, [Tishkov, 2004]).

Если основные риски связаны не с объектом исследования, то, может быть, все зависит от выбора метода исследования? Одно дело - полагаться на вторичные источники (например, данные правоохранительных органов или материалы журналистских расследований) при изучении организованной преступности, а совсем другое - попытаться осуществить "включенное наблюдение" повседневной жизни одной из "бригад" или уличных банд на протяжении достаточно длительного времени. Так, один из канадских исследователей, несколько лет изучавший различные аспекты жизни, в том числе криминальные, байкерского клуба, был вынужден ради исследовательских целей пройти через ряд серьезных испытаний, включая участие в различного рода "разборках" [Wolf, 1990]. Использование термина "методология, связанная с высоким риском", в данном случае выглядит уместным.

Другим классическим примером применения методологии, связанной с высоким риском, стало исследование социальной среды гомосексуалистов, ведущих "двойную жизнь": с одной стороны, примерных гетеросексуальных семьянинов, а с другой - завсегдаев удаленных отхожих мест в парках, находящихся в поиске случайных и ни к чему не обязывающих гомосексуальных контактов [Humphreys, 1970]. В результате принятия на себя роли "участника как наблюдателя" автор подвергался насилию и со стороны полиции (за отказ указать истинные цели своего систематического присутствия в таких достаточно странных местах: такое указание могло бы привести к требованию раскрытия информации о наблюдаемых субъектах), и гомосексуалистов, и агрессивно настроенных борцов с ними. Однако с самыми большими проблемами этому ученому - и его научным руководителям - пришлось столкнуться уже после публикации результатов своего исследования: они привели к поляризации как научного, так и общественного мнения, затруднили защиту докторской диссертации, а также негативно сказались на судьбе кафедры, на базе которой было выполнено исследование. Одна из лучших в 1960-е гг. в США программ по социологии в Университете Вашингтона (Сен-Луис) была закрыта, и по сегодняшний день социологические курсы остаются исключенными из программы данного университета [Jackson, 1999, p. 284].

Последний пример особенно интересен тем, что позволяет различить риски, связанные с выбором методологии исследования потенциально опасного объекта и риски получения результатов, ставящих под сомнение мнение, доминирующее в науке и/или обществе в целом. Что касается рисков первого типа, то опасный характер объекта исследования является необходимым, но недостаточным условием их роста: они зависят от избранной методологии исследования. Наиболее "безопасным" методом изучения потенциально "опасных" объектов представляется использование вторичных данных и других косвенных (*unobtrusive*) методов анализа. Далее идут углубленные интервью и опросы: если применение этих методов возможно, то исследователю удастся сохранить безопасную дистанцию. Наконец, включенное наблюдение связано с наибольшей степенью риска для исследователя.

Система этических кодексов исследовательской деятельности, особенно развитая в Северной Америке, позволяет, выражаясь экономическим языком, сократить риски и "разделить" их между исследователем и организацией, в которой он работает. Если исследование получает позитивную этическую оценку специального комитета, то после прецедента, установленного в 1994 г. делом Р. Огдена, университет тоже несет ответственность за возможные риски, которые могут возникнуть в его процессе. Будучи студентом магистратуры, Огден изучал среду ВИЧ-инфицированных лиц, а также ряд внезаконных и криминальных практик, в которые они иногда вовлечены. Учитывая последний аспект, полиция потребовала от исследователя раскрыть источники его информации, несмотря на гарантии конфиденциальности, данные им информантам. В конечном счете университет, на базе которого проводилось исследование, был вынуж-

ден признать факт своей непосредственной вовлеченности в конфликт между исследователем и полицией [Babbie, Benaquisto, 2002, p. 208].

С рисками получения "нежелательных" результатов дело обстоит сложнее. Хотя насилие, которому может подвергнуться в этом случае исследователь, не обязательно носит физический характер, как это происходило в Советском Союзе в 1930-е гг., не менее болезненно насилие в символической и иных формах - увольнение, угроза увольнения (об отличиях между негативными санкциями и угрозой их применения см. [Ledyayev, 1997, p. 183 - 185], создание затруднений в академической карьере, в публикации результатов, ограничение доступа к финансовым ресурсам, целенаправленное разрушение научной репутации и т.д.). Здесь следует различать исследования, приводящие к получению "нежелательных" результатов с точки зрения тех источников власти, которые структурируют взаимоотношения внутри самой науки, и с позиций источников власти, находящихся за пределами собственно научной среды. Общественные науки потенциально относятся к "группе риска" в обоих случаях.

С одной стороны, они наиболее далеки от консенсуса относительно допущений и предпосылок, лежащих в основе исследования, что ставит под сомнение любые оценки и в конечном счете внутринаучный авторитет. По мнению П. Бурдьё, ненависть и насилие в символической форме, обращенные ко всем, придерживающимся иной, противоположной точки зрения, - отличительная черта большинства научных дискуссий [Bourdieu, 1984, p. 39]. В непарадигмальных науках (формальное определение парадигмы можно найти в [Kuhn, 1972]), то есть в областях научного знания, в которых сосуществует множество теорий и нет устойчивого согласия, а социология, без сомнения, - одна из них, господствует ситуация, лучше всего описываемая словами сатирика А. Кнышева: "каждый по-своему прав, а по-моему не прав". "Нежелательным" автоматически становится любой результат, который не вписывается в рамки конкретной теории. Отсюда парадоксальность ситуации, когда институциональная организация самой науки становится потенциально опасным объектом исследования - именно из-за высокого риска получить "нежелательные" результаты. Так, ввиду "взрывоопасности" результатов исследование научной среды, проведенное Бурдьё [Bourdieu, 1984], дождалось дня своей публикации около полутора десятков лет. Подобного рода изыскания осмеливаются публиковать либо обладающие большим "весом" в научной среде ученые (см. также [Merton, 1973]), либо исследователи, уже отошедшие от активной научной деятельности, излагающие результаты своих работ в форме мемуаров.

С другой стороны, объект изучения социальных наук - само общество, включая модель властных отношений, структурирующую социальные взаимодействия. Физико-математические науки, технические науки, науки о земле, химические науки и даже науки о жизни - если использовать принятую Российской академией наук классификацию - редко изучают явления, имеющие даже опосредованное отношение к господствующей в обществе модели властных отношений¹. Риски получения результатов, "нежелательных" по мнению непосредственных коллег, а властвующих групп и/или общества в целом, имеют несколько иную "механику" возникновения и развития. В социологическом исследовании они зависят от выбора конкретной теории - из того множества, что образует непарадигмальную среду. Можно предположить, что выбор позитивистского подхода - особенно в его функционалистской интерпретации - минимизирует вероятность получения "нежелательных" результатов второго рода. Ведь данный подход строится на базе допущения о том, что все социальные процессы естественны, функцио-

¹ Впрочем, как в прошлом (дело академика Н. Вавилова, обвиненного в 1930-е гг. во "подрыве" сельского хозяйства, или дело А. Сахарова, истоки которого восходят к постановке им в конце 1960-х гг. вопроса о моральной стороне исследований в области ядерной физики), так и в настоящем (обвинение ряда ученых в разглашении государственной тайны и передаче секретных технологий) господствующая в обществе модель властных отношений неоднократно оказывалась прямо или косвенно затронутой и представителями необщественных наук.

нальны и упорядочены. Стронники качественных методов зачастую вменяют тем исследователям, которые предпочитают методы количественного анализа, наиболее адаптированные к решению функциональных задач, прямое или косвенное содействие сохранению сложившегося в обществе *status quo* (см., например, [Воронков, 2004]). Выбор интеракционизма в качестве отправной точки в исследовании может обусловить целый ряд неожиданных и заранее непредсказуемых результатов, но они вряд ли окажутся "нежелательными", ибо касаются исключительно взаимодействий на микроуровне (точнее, результаты могут оказаться "нежелательными", но лишь в локальном и ограниченном масштабе, а не в масштабах общества в целом). Наконец, теории конфликта, начиная с марксизма и заканчивая феминистскими теориями и критической социологией М. Фуко и П. Бурдьё, именно ввиду своей критической ориентации и акцента на властных отношениях, имеют "запрограммированно" высокий риск получения "нежелательных" результатов с точки зрения и общественного мнения (мнения большинства), и представителей групп(ы), контролирующих власть в различных сферах повседневности.

Критика, то есть суждение об относительном или абсолютном несовершенстве сложившейся "конституции" социального действия и господствующей модели властных отношений, подразумевает - явным или неявным образом - принятие за точку отсчета некой альтернативы. Выбор критической перспективы поэтому означает тесное переплетение нормативного и позитивного анализа (стоит ли говорить, насколько часто оно становится предметом осуждения?). Даже "неконструктивная" критика предполагает отсылку к определенной "шкале" оценок. Во-первых, эта "шкала" может иметь абсолютную точку отсчета - "ноль", когда критик ссылается на некие терминальные ценности, недостижимые в рамках сложившейся институциональной системы. Так, наиболее систематичная версия критики китайского "социализма" со стороны представителей китайской интеллектуальной диаспоры на Западе построена через отсылку к традиционным ценностям китайского общества, разрушенным революцией в конце 1940 - 1950-х гг. [Nine... 2004]. Точка отсчета может располагаться "вперед" - в случае, когда "отсталость" сложившейся системы критикуется с позиций некоего идеала, либо сконструированного с помощью философии морали (о роли философии морали в конструировании абсолютных критериев оценки см. [Beetham, 1991]), либо предположительно воплощенного на практике в "модерном" (вариант - "постмодерном") обществе. Критика в терминах "отсталости" принимает преимущественно "оптимистические" оттенки: указание на конкретный и потенциально достижимый идеал способствует тому, чтобы, выражаясь словами Дж. Кейнса, "действовать, а не сидеть, сложа руки" [Кейнс, 1993, с. 349]. Основной риск для исследователя при использовании данной модели критики связан с опасностью превращения в маргинализированного и отчужденного инноватора. "Продвинутые индивиды с равной вероятностью могут как превращаться в препятствие социальным изменениям, так и становиться их движущей силой" [Yaneu, 1973, p. 37].

Не исключен и вариант, когда точка отсчета располагается "позади", то есть существующий порядок сравнивается не с "абсолютным добром", а с "абсолютным злом". Чем ближе, как постулируется, существующий порядок к "абсолютному злу", тем жестче критика и тем выше риски для исследователя. Его могут обвинить, например, в разжигании упаднических настроений - преступление, согласно общественному мнению, более серьезное, чем неоправданный оптимизм оторвавшегося от масс инноватора (попытка сопоставления последствий разжигания упаднических и оптимистических настроений в контексте постсоциалистических трансформаций предпринята в [Kornai, 1997, p. 78 - 79]). Логика предлагаемых изменений тогда принимает форму выбора наименьшего из двух зол, а критика по этой причине обретает преимущественно пессимистическую окраску. Примером критики через выбор наименьшего из двух или нескольких зол можно считать анализ российского общества через призму тюремного сообщества [Oleinik, 2003] (см. также дискуссию о допустимости использования модели тюремного сообщества для анализа российского общества в целом в [Ефимова, 2004; Олейник, 2004]).

Таблица

"Встреча с хулиганом в темном переулке"

		Хулиган	
		Атаковать первым	Выждать
Прохожий	Атаковать первым	0, 0	1, -1
	Выждать	-1, 1	0, 0

Описание постсоветской социально-экономической системы в терминах "ни-ни", то есть "ни социализм, ни капитализм", - другая иллюстрация выбора между двух зол. Согласно В. Андреффу, в постсоветский период механизмы, обеспечивавшие стабильность социалистического порядка, перестали действовать, а механизмы, поддерживающие капиталистический порядок, еще не начали функционировать, поэтому переходная система "хуже" и первого, и второго варианта [Andreff, 2003]. Стоит отметить, что критика на основе выбора наименьшего зла не исключает более или менее строгого определения вектора предлагаемых изменений: в терминах теории игр, речь идет об использовании стратегии минимакс, подразумевающей минимизацию возможного ущерба. Игрок при каждом действии контрагента готовится к худшему и стремится лишь к тому, чтобы его избежать, выбрав "менее неприемлемый" вариант (см. табл.)².

Во-вторых, точка отсчета для критики может быть относительной. Основное отличие критики в "относительных" терминах от критики в "абсолютных" терминах заключается в том, что направление изменений нельзя задать и даже предугадать. Исследователь сравнивает различные "конституции" социального действия и/или модели властных отношений, при этом не исключая возможности, что все они могут оказаться одинаково "плохими" и, следовательно, достойными уничижительной критики. Таковы, например, выводы из сравнительного анализа российской и западной моделей государства, предложенного О. Харкординым [Kharkordin, 2001]. Исследователь утверждает, что в обоих случаях речь идет лишь о фикции общих интересов, якобы воплощенных в институте государства. Критика "всего и вся" крайне рискованна для исследователя лишь на первый взгляд. Она ставит под вопрос саму необходимость каких-либо сознательно проводимых изменений, если все существующее (и потенциально возможное) "неразумно". Поэтому подобная критика парадоксальным образом способствует сохранению сложившегося status quo. Четкое определение вектора изменений здесь невозможно в принципе, что превращает самую яростную критику в не более чем состязание в риторике.

Выбор точки отсчета для критики во всех рассмотренных выше вариантах (абсолютное добро, абсолютное зло и акцент на относительности) влияет на выбор стратегий, с помощью которых исследователь стремится если не минимизировать, то хотя бы управлять своими рисками. Так, можно говорить о существовании "избирательного сродства" между выбором в качестве точки отсчета абсолютного добра и верой в "просвещенного деспота" как опоры в движении к этому абсолютному добру. Важно лишь найти правителя, пусть и монарха, который бы разделял идеалы исследователя. Именно так поступало большинство деятелей европейского Просвещения, которые, как правило, имели

² Модель навеяна полной "черного юмора" ситуацией, рассмотренной Т. Шеллингом: "Я спускаюсь среди ночи на этаж ниже, чтобы разобраться с источником назойливого шума, с пистолетом в руке. На лестничной клетке неожиданно сталкиваюсь лицом к лицу с грабителем, тоже вооруженным. Совершенно реальна развязка, которая никого из нас не устраивает" [Schelling, 1960, p. 207]. Стремясь избежать худшего - быть неожиданно атакованным (-1, 1) - прохожий решает атаковать. Подобной же логике повинуются и хулиган, в результате чего оба получают "менее неприемлемый" вариант: сохранение status quo ценой стычки.

личных покровителей среди европейских монархов [Malia, 1999, p. 68]. Один из наиболее свободомыслящих из Просветителей - Вольтер, в частности, состоял в переписке и находил поддержку со стороны германского престола и российской императрицы Екатерины II.

Источником поддержки в критике, имеющей в качестве точки отсчета абсолютное зло, может стать демократическая модель властных отношений. Во-первых, потому что демократия снижает издержки выражения непопулярных мнений [North, 1990, p. 85 - 86]. Во-вторых, выражаясь словами У. Черчилля, видимо тоже мыслившего категориями выбора наименьшего из зол, "демократия является худшей формой правления, исключая все те формы, которые были испробованы в различные периоды времени" (цит. по [Rose, Mishler, 1995, p. 3]). В-третьих, возможность на основе критики задать вектор изменений вооружает гражданское общество, потенциального актора этих реформ, своего рода "дорожной картой". Наконец, критика в относительных терминах может найти понимание в первую очередь в научном сообществе, точнее - в той его части, которая избирает для исследований сходные координаты.

В каждом из случаев укрепление позиции исследователя в его критике достигается за счет принятия той модели властных отношений, которая воплощена в "просвященном деспотизме", демократическом правительстве или научной "сети". Иными словами, право на получение "нежелательных" результатов приобретается ценой отказа от критики определенной модели властных отношений. Конечно, исследователь, чтобы избежать внутреннего стресса, может выбрать ту модель властных отношений, с которой он в наибольшей степени ощущает "избирательное сродство". Однако полностью снять внутреннее противоречие критического подхода таким способом вряд ли удастся. Альтернативой мог бы стать отказ от постоянной привязки к конкретной модели властных отношений, что возможно лишь при использовании "гетеродоксального" и эклектического подхода (предварительный эскиз программы эклектического подхода в экономических науках можно найти в [Kornai, 1997; Andreff, 2003]), когда для критики одних аспектов в качестве точки отсчета избираются терминальные ценности, других - модель выбора наименьшего из зол, третьих - относительные шкалы.

Наиболее значимые аргументы в пользу отказа от поиска единственного отправного пункта в критике таковы. Прежде всего единая шкала оценок плохо согласуется со спецификой "сложных" обществ. Так, некоторые элементы "негативной конвергенции" (термин позаимствован в [Andreff, 2003, p. 72 - 73]), делающей обоснованной критику в относительных терминах, могут быть найдены в политической сфере как в США, так и в России, например использование "черного PR" для дискредитации соперника, осуществление манипуляций с доступом к урнам для голосования, акцент в дебатах не на политических программах, а на вопросах процедуры и т.д. Однако во многих других сферах отличия между этими двумя странами по-прежнему значимы, что делает легитимным использование "абсолютных" шкал.

Далее, сама модель человеческого поведения исключает использование единой шкалы для оценки всех аспектов. Например, А. Этциони утверждает, что, как минимум, два принципа лежат в основе повседневных решений и поступков - полезность (и, следовательно, модель рационального выбора) и моральные обязательства [Etzioni, 2003, p. 111]. И если моральные обязательства предполагают использование абсолютной шкалы оценок, то модель рационального выбора не исключает применения ни абсолютных, ни относительных (производных от ординалистской теории полезности) шкал. Наконец, в рамках данной дискуссии ключевой аргумент в пользу комбинирования шкал заключается в том, что позволяет исследователю критиковать, не будучи привязанным к какой-либо одной модели властных отношений. Иными словами, исследователь перестает быть заложником конкретной модели властных отношений в качестве и объекта критики, и точки опоры, что придает особую силу его критике. "Интересы зависимого субъекта структурированы таким образом, что обоснования (существующего порядка. - А. О.), предлагаемые лицами, наделенными властью, в данном контексте (властных отношений. - А. О.) кажутся ему или ей убедительными. Такие обоснования

могут быть поставлены под вопрос только с позиций вне данного контекста" [Beetham, 1991, p. 62].

Находя несколько "точек опоры", исследователь приобретает новые степени свободы в своем анализе. В конечном счете именно критика в таком ключе наиболее убедительна и потому опасна с точки зрения тех, кто заинтересован в сохранении *status quo*. Подобная критика дает исследователю неммыслимую при иных раскладах автономию, одновременно делая его особенно уязвимым. Именно здесь начинается "экстремальная" социология, или социология, "связанная с высоким риском". Ибо риск - и есть продукт действительной, а не мнимой независимости исследователя в выборе объекта его изысканий, методологии анализа, теоретических рамок и точки отсчета. Выбор всех этих элементов дизайна исследования тогда может быть подчинен одному, но весьма достойному соображению - поиску истины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Воронков В.* Этот безумный, безумный, безумный количественный мир // *Неприкосновенный запас*. 2004. N 35.
- Ефимова Е.* Современная субкультура как "маргинальная" устная культура // *Неприкосновенный запас*. 2004. N 36.
- Кейнс Д.* Общая теория занятости, процента и денег // *Кейнс Д.* Избранные произведения. М., 1993.
- Олейник А.* Маргиналы или мажоры: как субкультура становится элементом культуры // *Неприкосновенный запас*. 2004. N 36.
- Andreff W.* La mutation des economies postsocialistes: Une analyse economique alternative. Paris, 2003.
- Babbie E., Benaquisto L.* Fundamentals of Social Research. Scarborough, 2002.
- Beetham D.* The Legitimation of Power. New Jersey, 1991.
- Bourdieu P.* Homo Academicus. Paris, 1984.
- Christie L.* America's Most Dangerous Jobs // CNN/Money, September 23 (<http://money.cnn.com/2005/08/26/pf/jobsJeopardy/> retrieved on Oct. 29, 2005).
- Etzioni A.* Toward a New Socio-Economic Paradigm // *Socio-Economic Review*. 2003. N 1.
- Humphreys L.* Tearoom Trade. Chicago, 1970.
- Jackson W.* Methods: Doing Social Research. Scarborough, 1999.
- Kharkhordin O.* What is the State? The Russian Concept of gosudarstvo in the European Context // *History and Theory*. 2001. N 40.
- Kornai J.* Struggle and Hope: Essays on Stabilization and Reform in a Post-socialist Economy. Cheltenham, 1997.
- Kuhn Th.* Scientific Paradigms // *Sociology of Science: Selected Readings*. Harmondsworth, 1972.
- Ledyayev V.* Power: A Conceptual Analysis. New York, 1997.
- Malia M.* Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge (Mass.)-London, 1999.
- Merton R.* The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations. Chicago-London, 1973.
- Nine Commentaries on the Chinese Communist Party // *The Epoch Times* 2004. December (<http://necomentaries.com/> retrieved on Oct. 30, 2005).
- North D.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge, 1990.
- Oleinik A.* Organized Crime, Prison and Post-Soviet Societies. Aldershot, 2003.
- Rose R., Mishler W.* What are the Alternatives to Democracy in Post-Communist Societies? // *Studies in Public Policy*. 1995. N 248.
- Schelling Th. S.* The Strategy of Conflict. Cambridge (Mass.), 1960.
- Tishkov V.* Chechnya: Life in a War-Torn Society. Berkley, 2004.
- Wolf D.* The Rebels: A Brotherhood of Outlaw Bikers. Toronto, 1990.
- Yaney G.* The Systematization of Russian Government: Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711 - 1905. Urbana 1973.